

«И будет сад, и дерево в саду»

Обзор конференции «Русская усадьба в XXI веке: исторический опыт и новые возможности»

С. В. Андросенко

Софья Вадимовна Андросенко, аспирантка философского факультета МГУ, пресс-секретарь Свято-Филаретовского института. 105066, Москва, Токмаков пер., 11.
E-mail: sofia@sfi.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-182-188

Как вовлечь усадьбы в современные социокультурные процессы? Какой отпечаток наложила усадебная культура на русскую жизнь вплоть до настоящего времени? Какова перспектива ее развития в XXI веке? Как усадьба может менять географическое, культурное, экономическое пространство вокруг себя? Для чего нужна и как возможна реституция в современной России, возможно ли в ней появление новой аристократии и как не повторять тех ошибок и духовных подмен, которые были в истории дореволюционных усадеб? Подобные вопросы обсуждали участники III научной конференции «Русская усадьба в XXI веке: исторический опыт и новые возможности», прошедшей 2–3 июня 2023 года в подмосковном Культурно-просветительском центре «Преображение».

Конференция, организованная Благотворительным фондом «Жить вместе», Московским Дворянским собранием и Свято-Филаретовским институтом, собрала сотрудников музеев-усадеб, волонтеров и собственников, занимающихся восстановлением усадеб, потомков прежних владельцев, историков, социологов, краеведов. Всего в ней приняли участие 55 человек из Вологды, Воронежа, Заволжска Ивановской области, Москвы, Орла, Санкт-Петербурга, Чаплыгина Липецкой области.

В 1920-е годы в России официально существовало около двухсот музеев-усадеб, — рассказала хранитель музейных предметов I категории Отдела фондов Государственного музея А. С. Пушкина *Наталья Александрова*. — «На сегодняшний день их в России всего 50. Мы потеряли не просто какой-то пласт культуры, а еще и огромное количество музеев, которые могли бы существовать».

«Общее же количество утраченных усадеб не поддается счету. «Чуть больше ста лет назад люди в Центральной России не могли проехать двух-трех верст, чтобы не попасть в следующую усадьбу, — говорит предводитель Московского Дворянского собрания

генеалог Олег Щербачёв. — Это было своего рода ожерелье, в котором каждая усадьба представляла собой иногда большой, иногда средний, иногда малюсенький центр культурной и духовной жизни — сейчас мы себе даже представить этого не можем...»

Совхоз? Музей? Братство?

Если бы не катастрофа 1917 года, то поддержание усадеб представляло бы не только культурный, но и коммерческий интерес, уверен *Олег Щербачёв*. «Когда-то короля Баварии Людвига II отрешили от власти не только из-за того, что сочли сумасшедшим, но прежде всего как растратчика — человека, который бросил невероятное количество денег на строительство замков, — напомнил он. — Но его недостроенный Нойшванштайн окупился в первые же годы после его смерти! Государство вскоре стало использовать его как музей. Представляете, сколько у нас было бы туристических объектов, если бы все усадьбы в том или ином виде сохранились!»

Подобную задачу — сохранить хотя бы в музеефицированном виде то, что на тот момент уцелело, поставило перед собой сто лет назад Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ), созданное молодым искусствоведом Владимиром Згурой (1903–1927). Общество объединило студентов и профессоров академий, историков архитектуры, служащих и врачей, даже сотрудников отдела Наркомпроса по делам музеев. Его состав доходил до 150 человек из разных городов.

Какое-то время в молодом советском государстве они могли не только регистрировать усадьбы и подробно описывать все художественное наследие на их территориях, убергая его от уничтожения и разграбления, но и проводить экскурсии, открытые заседания, устраивать историко-художественные курсы, издавать журнал и осуществлять еще множество научных и просветительских проектов. Однако уже в 1930-м Общество было вынуждено официально прекратить свою деятельность, а многие его члены были репрессированы.

Помимо протоколов Общества, хранящихся в ГАРФ, часть наследия ОИРУ сегодня доступна для исследователей в Государственном музее А. С. Пушкина. Как рассказала хранитель этой коллекции *Наталья Александрова*, документы уцелели благодаря одному из членов ОИРУ — Юрию Шмарову. В 1933 году он был арестован, пять лет провел в лагерях и потом 25 лет на поселении, однако ему чудом удалось сохранить фотографический архив и часть рукописного наследия Общества.

О том, как видел судьбу русских усадеб в прошлом, настоящем и будущем другой активный член ОИРУ — Александр Чаянов, рассказал директор Центра аграрных исследований РАНХиГС, главный редактор журнала «Крестьяноведение» кандидат экономи-

ческих наук *Александр Никулин*. Чайнов, выдающийся русский экономист, социолог, аграрник, разработавший теорию сельскохозяйственной кооперации, был также талантливым писателем. Десятки страниц его романтических повестей посвящены усадьбам конца XVIII — начала XIX века, где он с большой любовью реконструирует их быт.

В своих повестях Чайнов делал акцент на многоукладности и многообразии усадеб. В будущем он видел их трансформированными не в совхозы и дома отдыха для пролетариата, а превращенными в музеи, парки, «хранилища эстетической культуры» и даже предполагал возможность существования в усадьбах университетских братств и общин или своеобразных светских монастырей, собиравших культурные и творческие силы страны. Наконец, один из самых смелых футуристических прогнозов Александра Чайнова — преобразование всего пространства нашей планеты в сплошные города-сады, прерываемые обширными полянами цветов и фруктовых растений. Чайнов был репрессирован в 1929 году как «сторонник кулацкого пути» и противник коллективизации и расстрелян в 1937-м в Алма-Ате.

Усадьба вцепилась в тебя — а ты в усадьбу

«Особенность всех усадеб вне зависимости от того, где они находились, в том, что их владельцами были высокообразованные люди, жившие не своими личными проблемами — делом их жизни было служение России, ее народу, науке, культуре, — говорит *Светлана Касаткина*, кандидат исторических наук, директор Заволжского городского художественно-краеведческого музея в Ивановской области. — Даже если они не были известны на губернском уровне, они служили интересам места, где жили: строили на свои средства больницы; если это были врачи — то сами лечили людей; были инициаторами происходившего у них здесь в России. Никогда эти люди не стремились уехать за границу, чтобы там жить хорошо. Поэтому один из глобальных вопросов — где же найти сегодня таких людей».

В качестве примера Светлана Касаткина рассказала о воссоздании усадьбы «Студеные ключи» бывшего Кинешемского уезда силами местного предпринимателя Александра Широкова. Восставливая стены, крышу, окна и двери, новый владелец пытается вдохнуть в них и тот дух, который был в усадьбе до 1917 года при ее создателе — потомственном дворянине и крупном промышленнике Николае Рузском. Он был знаком с целой плеядой известных деятелей России, например, помогал композитору Сергею Прокофьеву сделать первые шаги в музыке, устраивал его концерты в Санкт-Петербурге. После революции в усадьбе была устроена исправительная колония для несовершеннолетних преступников, за-

тем санаторий для рабочих, в годы войны — госпиталь, а в нулевых памятник культурного наследия оказался разграблен и разрушен.

Жанна Потравко 20 лет назад переехала в усадьбу Приклонских-Рукавишниковых в селе Подвьязье Нижегородской области, где на тот момент жили восемь бабушек и не было ни электричества, ни дороги, ни воды. В этом году хранительница усадьбы не смогла приехать на конференцию из-за наплыва туристов и гостей — подключилась по зуму. «Просто в какой-то момент понимаешь, что усадьба вцепилась в тебя — а ты в усадьбу, и от тебя напрямую зависит будущее этого места, — рассказала она. — Спустя много лет село появилось на картах. Сегодня в нем сто жилых домов и прописано 29 человек, ежегодно приезжает несколько тысяч туристов, это приносит прибыль, я плачу налоги — и место реально развивается».

Конечно, как признаются в один голос энтузиасты, менять многое приходится такими усилиями, которые в одиночку не потянуть, и без государственной поддержки это порой представляется просто невозможным. Вместе с тем есть какая-то правда в том, что новым владельцам нужно как бы заново входить в образ жизни прежних хозяев усадеб. Иными словами, тебе нужно научиться самому всегда быть донором.

Елена Старостенкова, кандидат экономических наук, директор Благотворительного фонда «101-й км. Подвижники Малоярославца», рассказала, как ее дед, священномученик Михаил Шик, и бабушка — писатель, педагог, деятельница кооперативного движения Наталья Шаховская-Шик жили с пятью детьми в маленьком домике за 101-м километром. Проходная восьмиметровая комната зимними вечерами превращалась в гостиную, где собирались люди для светского общения, потому что в сознании своих владельцев и их знакомых дом был общественным центром. А летом, когда к ним приезжали пожить на свежем воздухе и поправить здоровье люди, которым помогала семья Шиков, дети с мая по октябрь жили на незастекленной террасе, чтобы освободить место для гостей.

Кажется, это мелочь

«Есть такое понятие в области сельского хозяйства — терруар, — говорит предводитель Московского Дворянского собрания *Олег Щербачёв*. — Терруар включает в себя уникальное сочетание ландшафта, истории, микроклимата, почвы, характерное для данной местности. Терруарные вина — характерные, не массовые, не усредненные, они принадлежат этому месту и невозможны в другом. И усадьба должна быть завершением неповторимого терруара небольшого, но уникального места, она должна концентрировать в себе силы этой земли, ее историю, которая у нас сегодня обезличена».

Именно усадьба делает историю личностной, уверен Олег Щербачёв. «К сожалению, катастрофа 1917 года сделала не только перерыв в традиции — она всю нашу русскую землю сделала нерусской, — говорит предводитель Московского Дворянского собрания. — И сегодня наша земля по-прежнему не русская, а советская, не только по топонимике. Москва — скорее приятное исключение, где внутри Садового кольца еще есть нормальные улицы и переулки. А если вы возьмете любой населенный пункт — то это будут как мантра повторенные: Ленина, Свердлова, Октябрьский, Советский. Кажется, это мелочь, но это не мелочь. Потому что это провоцирует шизофрению, раскол сознания. Когда храм стоит на улице Дзержинского — это и есть шизофрения. Но главное — советская власть сделала землю ничейной, лишив ее того самого Адама, который должен ее возделывать, а человека — бездомным, временщиком, которому дают комнату, квартиру, барак».

Место, где становишься свободным

По мнению Олега Щербачёва, усадьба может изменить отношение русского человека к земле, помочь ему почувствовать ее своей, а себя — дома. «Но это взаимный процесс: чтобы наша история вновь обрела свое лицо через владельцев этих усадеб, само общество должно измениться — а оно меняется и благодаря таким людям, которых мы видим среди тех, кто берется за восстановление усадеб, часто представляющее невозможным», — отметил он.

«Мы живем сейчас без элиты, без настоящей элиты. И мы все от этого очень страдаем, в том числе люди культурные, образованные, что-то делающие, не просто сидящие на печке, — заметил основатель Свято-Филаретовского института кандидат богословия священник *Георгий Кочетков*. — Потому что элита задает тон, выявляет норму жизни в данных обстоятельствах, в данное время в данном месте. Не всегда в царских покоях и палатах задавались эти нормы. Не всегда они задавались городами, богатыми домами. А вот усадьба могла быть как раз таким местом, где творится эта норма жизни, которую может признать народ, культурный и простой. Усадьба могла быть источником красоты, доброты и правды, которые так любит русский человек и которые ставит в основу своей христианской веры».

«Это элитное значение усадеб часто недооценивается. Но чтобы увидеть его, нужно увидеть усадьбу в целостности — чтобы в ней была и земля, и сад, чтобы было место для дома и храма и для людей, для какого-то нового качества их отношений — где люди чувствовали бы себя свободно, — уверен отец Георгий. — Я думаю, усадьба тем и отличалась от любого богатого или просто состоятельного дома, что там эти вещи были на первом месте — или, скажем осторожнее, должны были быть на нем. Усадьба действительно

меняла все, она строила мир. Ведь мир Божий зиждется на любви, на истине и на свободе».

Покажи мне, как здесь танцевать

Деятельность по восстановлению усадеб, как и всякое погружение в историю, делает человека более свободным, соглашается *Елена Старостенкова*, и прежде всего — освобождает от убогого представления о своей жизни, показывает многовариантность жизненных путей. «Мы считали, что должны описать наши семейные архивы (а это огромная работа) — и на этом наша миссия выполнена, — рассказала она. — Но пришли люди, которые сказали: а мы хотим видеть дом, в котором это происходило. Мы хотим постоять там и дотронуться до этих стен. Ты бросаешь какое-то слово — а теперь дай мне образ. Ты даешь мне образ — а теперь покажи, как в этом образе жить, покажи, как вот здесь играть на рояле. Покажи мне, как здесь танцевать».

«Смысл не в том, чтобы восстановить какие-то стены, а в том, чтобы у людей, которые приходят сюда, открывалось что-то в душе, чтобы они перестали крутиться в очень примитивных мифах, которыми нас наспиговала советская действительность: что жизнь это вот это, вот это и вот это, — говорит Елена Старостенкова. — Жизнь всегда гораздо сложнее, и в ней больше возможностей для реализации каждого человека. Что бы мы ни восстанавливали — мы помогаем людям освободиться от жутких безжизненных штампов и каждому подумать о том, зачем он живет на этой земле и что он мог бы на ней совершить».

Заключительные наблюдения

Те, кто когда-либо устраивал конференции, знают, что обычно труднее всего собрать вместе тех, кто сам кого-то или что-то собирает и возрождает. Усадебная братия — потрясающее исключение из этого правила. Это люди, которым нравится собираться, которым интересно слушать других таких же ненормальных людей, влюбленных в свое дело, которые готовы тратить время на это общение.

«Эдорово, когда ты встречаешь людей, которые вдруг озвучивают твои мысли практически такими же словами, как ты сделал бы это сам, — поделилась *Екатерина Максимова*, директор и учредитель Благотворительного фонда «Лепта» из Санкт-Петербурга. — В конце дня мы ужинали за общим столом, и у меня было чувство, что я знаю всех давным-давно. Я ощущала какое-то всенаполняющее счастье, когда уже не нужны слова и можно просто сидеть, молчать и знать, что тебя понимают, наполняться этим об-

щением и вдруг осознавать, что это как раз то самое главное, для чего мы живем».

«Обычно считается, что усадьба — явление отдаленного прошлого, существующее сейчас лишь в произведениях классики, экранизациях и спектаклях. Здесь же об усадьбе говорили как о живом сердце национальной жизни, важном факторе современного развития нашей страны, — отметила *Ольга Богданова*, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX — начала XX века Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. — Особенно запомнились мне слова на круглом столе о том, что усадьба как соединение природы и культуры, родной земли и высокой христианской духовности должна стать местом воспитания новой российской элиты, выработки национальных жизненных норм, а также что именно усадьбы, история которых связана с целой когортой вышедших из них деятелей на благо России, придают нашей земле личностный характер, возвращают во многом утраченное чувство родного дома».

Всего на пленарном заседании и трех секциях прозвучало 15 докладов, завершил событие круглый стол. В конференции также приняли участие: сотрудница Дома-музея М. М. Пришвина монахиня *Варвара* (Вилисова); организатор Центра традиционного искусства и ремесла «Сень» в деревне Агарково Московской области *Александр Билецкий*; автор серии монографий по истории русского купечества, потомок купеческого рода *Дмитрий Абрикосов*; научный сотрудник музея-усадьбы П. П. Семенова-Тян-Шанского в Чаплыгине *Александр Богданов*; научный сотрудник Историко-культурного центра «Дворцовый комплекс Ольденбургских» в Воронежской области *София Гарчева*; директор Усадебного дома С. И. Танеева в Дютькове *Никита Кочергин*; эксперт государственной историко-культурной экспертизы, член правления Общества изучения русской усадьбы кандидат архитектуры *Надежда Завьялова*; соавтор сообщества «Дом Бака. Галерея историй» кандидат экономических наук *Марина Жукова* (Санкт-Петербург); заведующая Культурно-просветительским и духовным центром «Усадьбы Вологодчины» *Галина Попова*; руководитель проекта «Шатиловская усадьба — родовое гнездо» *Светлана Медведева* (Орёл).

“And there will be a garden, and a tree in that garden”.

Review of the conference “Russian estate in the 21st century: History and new opportunities”

Sofia V. Androsenko, PhD Student, Faculty of Philosophy, Moscow State University;
Press Secretary, St. Philaret's Institute. Tokmakov Per., 11, Moscow, 105066.
E-mail: sofia@sfi.ru